

18+

Светлана Куликова

КУЛИЧИКИ

Миниатюры

Светлана Куликова

Куличики. Миниатюры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61931333

ISBN 9785005156846

Аннотация

«Эти малюсенькие в двадцать, а то и меньше строк рассказы очень конкретны, они базируются на сюжетах, подмеченных в сутолоке и суете нашей жизни на улице, в магазине, в сберкассе, по дороге домой или – и тут уже иная тональность – в путешествии, паломнической поездке. Пристальный журналистский взгляд помогает автору из самой обыденной жизни выхватить необычное, бытовую сценку, в которой как правило трагизм и комизм мягко переплетены...» Нина Орлова-Маркграф, поэт, прозаик.

Содержание

Предисловие	5
От автора	7
Кукушка	10
Бабушка Шушан	12
Я не твоя мама!	15
Примерила	18
Мальчика жалко	19
Что посеяли...	23
Бдительная	25
Полакомились	26
Проблема	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Куличики Миниатюры

Светлана Куликова

Оформление обложки Игорь Бурдонов

Иллюстратор Игорь Бурдонов

Редактор Янина Аркадьевна Кузина

© Светлана Куликова, 2020

© Игорь Бурдонов, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-5684-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Светлана Куликова, автор нескольких сборников прозы, приглашает нас в мир ее новой книги, сборника миниатюр.

Все материальное в современном мире растет, увеличивается – всяческие блага, дома, и супермаркеты и торговые центры, и города и дороги, все делается больше, лишь слово ищет как сократиться, упроститься, уменьшиться, сжаться, не занять много места, времени, внимания, сил, иначе не будет услышано, прочитано, востребовано. В приоритете краткость. Миллионы людей читают забавные или острые колонки, посты, комментарии, остроумные подписи.

Жанру миниатюры тоже свойственна краткость, но на этом его сходство и связь с прочими короткими текстами кончается. Сейчас заметна тенденция оживления миниатюры, подчеркнем, жанра традиционного, полнокровного, великого, на минуточку вспомним Розанова с его полными коробами, «Крохотки» Солженицына или «Стихотворения в прозе» Тургенева.

Миниатюры Светланы Куликовой, каждая из них – это сплав изображения, увеличенного, наведенного на вас – мгновенная картинка, вмещенная в короткий текст, мысли, заложенной в него и эмоции обязательно возникающей, как ответ на прочитанное...

Эти малюсенькие в двадцать, а то и меньше строк расска-

зы очень конкретны, они базируются на сюжетах, подмеченных в сутолоке и суете нашей жизни на улице, в магазине, в сберкассе, по дороге домой или – и тут уже иная тональность – в путешествии, паломнической поездке. Пристальный журналистский взгляд помогает автору из самой обыденной жизни выхватить необычное, бытовую сценку, в которой как правило трагизм и комизм мягко переплетены.

Миниатюра бережет драгоценное время читателя, но не писателя. Чтобы столь маленький текст сделать наполненным и блестящим нужно немало сил и труда, а стало быть, и времени. Бог в помощь! Пожелаем автору успехов и новых творческих прозрений.

*Нина Орлова-Маркграф,
поэт, прозаик, переводчик,
член Союза Писателей России.*

От автора

Неиссякаемый источник сюжетов – уличные сценки. Порой несколько случайно уловленных ухом фраз покажут вдруг такую сложную, драматичную судьбу, какая и в роман не вместится. Главное – смотреть, слушать, не терять интереса к людям и любить жизнь во всех её проявлениях.

Светлана Куликова.

КУЛИЧКИ

Крепко тесное объятие.
Время - кожа, а не платье.
Глубока его печать.
Словно с пальцев отпечатки,
С нас - его черты и складки,
Приглядевшись, можно взять.

Александр Кушнер

КУЛИЧИК -а; м. – вынутый из детской формочки

влажный песок, сохраняющий её очертания. *Играть в куличики. Лепить куличики.*

Толковый словарь Кузнецова.

Кукушка

В кассовом зале подмосковной станции на подоконнике сидит маленькая – не больше трёх лет – девочка и кукует. Негромко, но назойливо повторяет:

– Ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку...

Рядом стоит её мама с устало-покорным выражением лица и периодически безнадежно бросает в пространство:

– Лиза, хватит уже.

Девочка словно не слышит и продолжает куковать. К ним подходит знакомая, здоровается с улыбкой:

– Что, в кукушку играете? А куда собрались?

– Да вот, к маме в больницу поехали, – вяло отвечает девочкана мама. – Дима за билетами пошёл... Лиза, перестань, хватит...

Девочка не реагирует и продолжает своё «ку-ку...».

– Не слушается? – сочувственно спрашивает знакомая.

– Прямо не знаю, что делать, – вздыхает мама. – Вчера днём были в лесу, услышали кукушку. Димка Лизу научил, как надо спрашивать, сколько лет проживёшь и «ку-ку» считать. А вечером мы к бабушке в больницу поехали. Ты мою маму знаешь, ей лишь бы похныкать. Всё умирать собирается. Она просто так брякнула, не подумав: «Да сколько мне и жить-то осталось?!». А Лиза услышала... Вот, второй день бабушке годы накуковывает. Замучила, сил нет. Лиза, хва-

тит, надоело!

– Ку-ку, ку-ку, ку-ку...

Бабушка Шушан

...Древняя каменная лестница, крутая и длинная. Мы медленно поднимаемся на вершину холма к Севанаванку – монастырю VIII века.

Кроме нас никого – в будний зимний день туристы редко сюда ездят. На пути стоит старушка в длинном пальто с меховым воротником, тёплом платке поверх вязаной шапки, больших валенках, надетых, похоже, не на одну пару носков. Но руки – без варежек. На каждом пальце висят дешёвые самодельные украшения из разноцветных камешков, металла, дерева, кожи и прочего подручного материала. Протягивает нам: «Купите браслетик!» Беззубо шамкая, добавляет:

– У меня день рождения сегодня.

– Сколько же вам исполнилось?

– Семьдесят.

Выглядит бабуля намного старше – смуглое лицо в глубоких морщинах. Улыбается, но смотрит грустно и куда-то в себя, словно не со мной разговаривает...

Юбилейная дата решает дело. Выбираю совершенно ненужные мне пёстрые бусы из необработанного сердолика. Не торгуясь, отдаю деньги.

– Как зовут вас?

– Шушан.

– Поздравляю! Живите долго, не болейте.

Она кивает благодарно.

На вершине ветрено. Привалившись к подножию холма, лежит в зимней спячке Севан. У входа в храм Сурб Араке-лоц одинокий фотохудожник продаёт виды монастыря собственного исполнения. У стены стоят летние находки археологов – древние каменные хачкары, загадочные и прекрасные, как сама Армения...

Внутри холодно и безлюдно. И та же аскетичная красота, что и снаружи. Озябший служитель торгует открытками, сувенирами, свечами. Покупаем две тонкие свечечки, ставим перед иконой неизвестного святого, взирающего отстранённым взглядом...

На обратном пути ещё раз поздравляем бабушку Шушан. На стоянке у машины нас встречают местные женщины со своим рукодельным товаром: вязаными вещами и всё теми же бусами-браслетами.

– Спасибо, – говорю, – не надо, уже купила наверху. У бабушки Шушан.

Они смеются:

– Она вам сказала, что у неё день рождения сегодня?! Каждый день ей семьдесят исполняется, уже который год!

– А на самом деле сколько?

– Да кто знает?! Она немного не в себе, всех родных в Карабахе похоронила, вот и тронулась умом. Сюда одна приехала, одна и живёт. Каждый день, даже когда дождь или мороз, приходит к монастырю со своим товаром. Стоит с утра

до вечера, день рождения отмечает...

Уезжая, оборачиваюсь на монастырь. Севанаванк восьмое тысячелетие делает своё дело: соединяет Небо и Землю. Между ними едва видно маленькую фигурку вечно семидесятилетней бабушки Шушан...

Я не твоя мама!

Много лет прошло, а чувство вины нет-нет, да и царапнет душу...

Череповец начала 90-х, эпоха тотального дефицита... Однажды, возвращаясь с младшим сыном из поликлиники, я зашла в маленький продмаг и – о, чудо! – там «выбросили» яйца. И очередь была небольшая – человек десять всего. Сейчас, думаю, затарюсь с запасом. Не тут-то было! Как быстро выяснилось, давали строго десяток в одни руки. Я потухла, но оптимизма до конца не потеряла: ведь нас с сыном двое. Два десятка – это праздник!

Но тут разыгралась убийственная сцена: женщина с годовалым ребёнком на руках, плюс ещё один, лет пяти, за подол держится, попросила три десятка яиц.

– Ещё чего! – заорала взбешённая продавщица. – Вы, может, всю родню сюда приволокёте! Вы все вместе? Кто вместе – тому один десяток!

Качать права у советских продавщиц было опасно – вообще ничего не получишь и очередь поддержит: «Уходите скорей, женщина, не задерживайте!» Что делать? Что?

– Лёночка, – зашептала я сынишке на ухо, – хочешь яичко?

Четырёхлетний малыш с надеждой посмотрел на меня и кивнул – он любил яйца, особенно всмятку.

– Нам надо много, поэтому мы скажем тётё, что я не твоя мама, а твоя мама дома и она послала тебя со мной за яйцами. Понял?

Сын доверчиво вытаращил чёрные глазёнки. Я видела: он ничего не понял, но хочет помочь изо всех своих маленьких сил.

– Тётя спросит: «Где твоя мама?», ты ей скажи: «Дома». А я как будто бы не твоя мама. Это мы в такую игру сыграем, чтобы у нас было много яичек. Чтобы всем хватило: и тебе, и папе, и Ване... Понял?

– И тебе...

Лёня взял мою руку своей маленькой лапкой. Я отдернула ладонь.

– Нет, я себе сама возьму, а ты себе – как будто ты один, а твоя мама дома. Понял? Я не твоя мама!

Сын снова кивнул, глянул испуганно и всё-таки вцепился в меня. Я попыталась его успокоить:

– А когда мы отсюда выйдем, я опять буду твоя мама.

– Навсегда?

– Навсегда, – уверенно ответила я и мысленно обматерила государство, дефицит, очередь и эти чёртовы яйца...

У прилавка я залепетала жалобно, не глядя продавщице в глаза и презирая себя:

– Вот, мальчик соседский, его мама со мной послала...

Если бы продавщица спросила, правда ли это, и сын не соврал в ответ (маленькие дети вообще врать не умеют, это-

му они учатся у нас, взрослых), я бы плюнула на всё и ушла со своим несчастным десятком яиц, но она ничего не сказала. Сложила в два бумажных пакета яйца, взяла деньги и я, сгорая от стыда, пошла прочь, подталкивая впереди себя ошеломлённого Лёньку...

Сейчас сын взрослый.

– Помнишь, – спрашиваю его, – как я отреклась от тебя за десяток яиц?

Он не помнит. Он смеётся. Ему странно, что мама может так долго переживать по такому пустячному поводу...

Примерила

Электричка. Время позднее. У окна, напротив друг друга сидят две усталые женщины средних лет – одна постарше, другая помоложе (или просто лучше выглядит) – задушевно беседуют.

Старшая:

– Ну так он тебе нравится или нет?

Помоложе (задумчиво):

– Да... вроде как... даже и не знаю... Странный какой-то.

Всё говорит, говорит... чё-то рассказывает про политику, про государство... Всё знает, сильно умный...

– Главное, чтобы не пил! Не пьёт?

– Я откуда знаю? Мы ведь не живём вместе.

– А чё тянешь?

– Да так... как-то... Не знаю... На хрен мне опять замуж?

– Кто тебя замуж гонит? Ты хотя бы попробуй, может, твоё! Это как платье покупать – без примерки никак нельзя!

Ты примерь!

– Дык я, вроде, примерила. Выходные вместе провели, у меня на даче...

– Да ты чё?! И как?

– В мозгах жмёт.

Мальчика жалко

Когда есть свободное время, мне нравится стоять в очередях – люди у нас общительные, и в конце стояния то необычный кулинарный рецепт узнаешь, то новое народное средство от старой болячки или сюжет для нового рассказа рисуется...

Но очередей сейчас немного стало, и там, где они есть, народ зачастую не стоит, а сидит. Вот как в нашем отделении Сбербанка – на мягких диванчиках. Сегодня утром человек пять расселись, отдыхают, а механический голос вызывает их к окошкам по номерам талонов. Тишина, покой, пасьянс в айфоне. Вдруг у сидящей рядом полной седовласой дамы звонит телефон. Она, послушав несколько секунд, начинает нервно отчитывать собеседника:

– Я сказала: ничего не делай. Пусть ворчит! Пусть требует! Я приду и всё сделаю. Не надо ей ничего давать! Просто жди! Я в банке, здесь очередь! Не знаю, когда! Нет, не могу, мне надо пошлину заплатить! Жди, я сказала!

Дама отключается, поворачивается ко мне и... наверное только в нашей стране совершенно незнакомый человек имеет право без спроса и предисловия включить тебя в свои проблемы:

– Год уже не могу наследство оформить! Какой-то несчастный гараж, а беготни столько, словно мне после смер-

ти мужа вилла на Канарах досталась... Дома мама парализованная, сын с ней остался, теперь названивает! А что я могу сделать, если везде очереди?! В МФЦ просидела полчаса, погнали в банк, теперь здесь сиди!

Разумеется, я включаюсь. Почему бы и не поддержать человека в сложной ситуации? От меня не убудет.

– У вас какой номер талона? 86-й? У меня 81-й. Давайте, поменяемся. Сейчас 79-й прошёл, через одного человека вы пойдёте, всё быстрее выйдет. Не переживайте.

– Как не переживать! Два года за лежачим мужем ходила, теперь вот мама слегла! А я что? Я двужильная, что ли? В кои-то веки раз попросила сына побыть с бабушкой, так он названивает теперь...

Словно иллюстрируя её слова, телефон снова заливается мелодичным звоном. И в ту же минуту автомат женским голосом вызывает 81-й.

– Не отвечайте, идите быстрее, – командую я (почему бы и не покомандовать, если меня выбрали спасателем?).

Дама скрывается за дверью кассы, но тут же выходит обратно со слезами на глазах:

– Ну вот, нигде порядка нет! – Дама протягивает мне какую-то квитанцию (почему нет, если я спасатель?). – Оказывается, ИНН здесь нету! Обратно в МФЦ, в Саввино придётся ехать!..

Далее в бессвязной речи возмущённой дамы проскальзывают и «беспредел в стране», и уже оскомину набившее «ко-

гда Путин порядок наведёт?»»

Нет, я не заступаюсь за главу государства, мне просто непонятно: при чем тут Путин, если на квитанции, выданной в МФЦ, не пропечатались половина реквизитов?

Затем в жалобной песне дамы появляется новый куплет.

– И ведь я же видела, я же слышала, как мужчина передо мной просил этого парня перепечатать ещё раз, потому что не всё видно! Не обратила внимания, теперь опять туда, потом опять сюда, потом опять туда... А мама парализованная... Сын... в кои-то веки... Господи, я ведь только к вечеру домой попаду!

Пожалуй, это так. Саввино, я знаю, далеко.

– Подождите, сейчас найдём в интернете сайт регистрационного органа и оттуда спишем данные счёта.

Под жалобные причитания выхожу в интернет с айфона, нахожу нужный сайт. Вместе сверяем данные на квитанции, добавляем недостающие. Консультант банка подтверждает: с написанными от руки реквизитами платёжку кассир примет, но достоверность данных целиком на плательщике...

В этот момент вызывают 86-й. Снова отдаю свою очередь даме, себе беру в автомате новый талон. Она выходит из кассового закутка, счастливо улыбаясь. И мне это приятно.

– Вот видите, и никуда ехать не надо!

– Спасибо вам! А этому парню я всё выскажу! И видела же, как он мужчине передо мной квиток перепечатывал, а сама...

– Не высказывать надо, а писать.

Дама опускает глаза:

– Нет, писать не буду. Я не кляузница, не скандалистка, сроду ни на кого ничего не писала.

– Но я вас очень прошу: напишите жалобу, чтобы больше никто не пострадал! Вас возмущает беспредел, а вы не хотите ничего сделать, чтобы его сократить.

– Писать не буду! А вдруг его уволят, я виновата окажусь. Нет. Жалко мальчика...

Дама быстро удаляется.

Почему ей не жалко президента, который не распечатывал квитанцию, но жалко балбеса, реально отнявшего у неё нервы и время (и не только у неё) – умом не понять.

Что посеяли...

Коррупция, коррупция... Ну да, чудовищная, бесстыдная коррупция буйно цветёт во всех сферах. Как ржа разъедает великую страну. И кто виноват?

Конец 70-х... Дальний Восток. Позарез нужно попасть из Хабаровска в Свердловск. Билетов на самолёт, как водится, нет, даже удостоверение журналиста не помогает. Помогает банка растворимого кофе из «номенклатурного набора», подаренная мне на день рождения коллегой – любовницей одного из обкомовских секретарей.

Начало 80-х... Паспортистка воротит рыло, не принимает документы на прописку, брезгливо цедя: «Что вас всех к Москве-то тянет?..». Я жалко лепечу про мужа-аспиранта без права получения общежития по случаю наличия у него жилплощади в ближнем Подмосковье и протягиваю выданный мне свекровью свёрток. В нем бережно хранимые с Нового года (а уже май) большая коробка конфет и «палка» финской салями. Моя свекровь – мелкая служащая могущественного московского Главторга – к каждой дате получает «подарочный набор». Дома деликатесы не едят, собирают и раздают «нужным людям». Неприлично прийти к заведующей детсадом за местом для внука или к директору школы – для другого внука без подношения. Любимые духи своего гинеколога и участкового врача свекровь никогда не пе-

репутает.

Начало 90-х... Череповец. Ура! Мы получили первую в жизни собственную квартиру! По трём пустым комнатам счастливо носятся сыновья наперегонки с гулким эхом. Очередь на мебель месяца на три. Муж принёс с работы стол и стул. Спим на полу. Положение спасает «четвертной» сверх ценника...

В общем ясно, кто виноват. Остался вопрос: что делать?

Бдительная

Ходим с подругой по выставке живописи.

Подруга моя, художница, разглядывает картины пристально – технику изучает. Вот только зрение у неё слабовато, потому к работам она подходит почти вплотную. Бдительная смотрительница, издавек не разобрав, что делается, подскакивает к нам и строго выговаривает:

– Нельзя руками трогать

Подруга демонстративно заводит обе руки за спину, на манер арестованного преступника, наклоняется к полотну и продолжает свои исследования. Но бдительная охранница не унимается:

– Носом трогать тоже нельзя!

Полакомились

В начале 90-х мужа перевели служить в Вологодскую область. Из Подмосковья мы переехали в Череповец.

Магазинные полки зияли пустотой, а два наших сына, 7 и 5 лет, активно росли и ели наперегонки как волчата. Проблемы «ребёнок плохо кушает» в нашей семье не существовало. Я лишь глаза тарачила, когда подруги жаловались: «Не могу своего накормить, ничего не ест!» Мои готовы были «смолотить» всё, что ползает и летает, кроме танка и самолёта! Так что жизнь наша в те годы имела две главных составляющих: как заработать и где достать еды?

Порой, до отчаяния оставался один шаг. Сделать его мне не давала моя сестра с говорящим именем Надежда. Атом-машевский городок на Урале, где она живёт, имел тогда московское снабжение и не бедствовал ни по части продтоваров, ни по части промтоваров. В нулевых уральских ядерщиков «раскулачили», и сейчас этот «секретный ящик» (уже почти рассекреченный) погибает как большинство моногородов бывшего СССР. Но это уже другая история...

Так вот, раз в месяц мы получали на почте перевязанный грубой бечёвкой, облепленный сургучными печатями ящичек с фиолетовым адресом (о, этот замечательный химический карандаш: послунишь – он пишет чернилами!). Дома аккуратно отжимали фанерную крышку и доставали тща-

тельно, я бы даже сказала, художественно упакованные пакеты и банки – сестра мастерски умеет в небольшой объём впихнуть невпихиваемое.

Запасы мы складировали, ясное дело, на антресоли. Там же я держала деликатесы и лакомства, приберегаемые к праздничным дням.

Года через два, кажется... Да, точно, младший в первый класс пошёл... Стали мы готовиться к встрече Нового года. В мае начали, как это было принято у советских людей. В отдельную «праздничную» коробку на антресоли отправились ждать своего часа присланные сестрой шпроты, палка сервелата от свекрови из Москвы, консервированный зелёный горошек... Самой странно, что когда-то этот перечень звучал для меня как сказка Шехерезады... Странно и стыдно. Но не о том речь.

Поверх гастрономического разнообразия я положила большой полиэтиленовый пакет с дефицитными конфетами. Дорогие «Ананасовые», «Мишка косолапый», «Ну-ка, отними!»; подешевле – батончики, карамель... Плюс печенье, вафли – всего около трёх килограммов сладостей, накопленных из уральских посылок.

Тщательно прятать от сыновей лакомство было бесполезно, они ловко находили его в самых изошрённых тайниках. Особенно отличался младший – большой любитель сладкого. Поэтому я провела жёсткую беседу: «Не прикасаться! Кто прикоснётся – выпорю! И оба без подарков останетесь!»

А потом периодически проверяла пакет, благо, он был прозрачный: содержимое на виду.

Шли дни, месяцы, пакет лежал не тронутым. Я это своими глазами видела: вот, тут «Ананасовые», тут проглядывают «Мишки...», там, за ними – вафли и печенье... Всё в полном порядке. Мыши не погрызли, моль не почикала, пацаны не добрались...

Незадолго до Нового года я пакет достала и удивилась его лёгкости. Высыпала. Да, все конфеты на месте... печенье, вафли... На месте. Только не сами сладости, а их упаковки! В яркие фантики оказался завёрнут воздух! Изъяв содержимое, воришки виртуозно свернули в прежний вид обёртки от конфет, печенья, вафель и сложили их в прежнем порядке. Не пострадали лишь карамель и батончики, что понятно: тонкие бумажки не держат форму.

Впечатление от этого открытия передать не могу! Ни тогда слов не хватило, ни сейчас подобрать не получается!

По сию пору, когда эти прожорливые шkodники уже сами отцы, я не знаю, кто из них был идеологом той масштабной кражи. Ни один не сознался, каждый «заводил стрелки» на брата. И сейчас не сдаются: «С этого дела ещё не снят гриф «секретно»!

И мы с мужем, вспоминая, смеёмся: в самые трудные времена наши дети целых полгода угощались наилучшими лакомствами и были счастливы! И аппетит у них не испортился, и никакого диатеза или диабета не случилось. Правду го-

ворят: от счастья не болеют!

Да, главное чуть не забыла: с тех пор я – как отрезало! – «долгоиграющих» запасов не делаю. Осознала: жить надо здесь и сейчас, не откладывая до особо праздничных или, наоборот, «чёрных» дней.

Проблема

Череповец начала 90-х. Утро.

В автобус, переполненный хмурыми горожанами, входит маленькая, аккуратная, невесомо хрупкая старушка. Бело-снежный платок, повязанный «домиком» на белых же волосах, длинная чёрная юбка, тёмно-синяя вязаная кофта. Лукаво-насмешливый взгляд голубых глаз, молодо светящихся из-под морщинистых век. «Настоящая вологодская бабуля», – умиляюсь я, уступая ей место.

– Сиди, сиди, милая, – машет она крошечной ладошкой. – Тебе, небось, целый день работать, а я и дома насажусь...

– Можно мне?

От дверей протискивается молодая, очень полная женщина. Грузно опускается на сиденье и тотчас заводит популярный в те годы монолог: жрать нечего, цены бешеные, на улице страшно выйти... Тут же у неё находят единомышленники и оппоненты, и в автобусе вспыхивает бурный диспут на вечную тему «кому на Руси жить хорошо».

Мы с бабушкой молча стоим в сторонке. Я размышляю, как ей удалось до преклонных лет сохранить такой ироничный, светлый взор и достоинство человека, вполне довольного жизнью.

Старушка сочувственно оглядывает толстуху и обращается ко мне:

– Эк её, бедную, ломат. Кушать нечего, а сама уж и стоять-то не может, таки телеса наела.

Поддерживаю разговор:

– Может, у неё полнота от болезни.

– Как не заболеть, коли носить на себе столько сала да в себе такую злобу?

– Но разве она не права? Посмотрите, сколько у людей проблем...

– Полно те, милая, каки таки проблемы! Много ли надо человеку? Я утром чёрную корочку отрезала, солью посыпала, постным маслицем полила, чайком запила – вот и наелась до вечера. Постом да молитвой тело очищается, а душа спасается... И чего шумят? Не подрались бы.

– Не волнуйтесь, людям надо высказать наболевшее. А кому? Вот, друг другу и высказывают. А вы неужели так хорошо живёте, что и проблем совсем никаких нет?

Бабуля пожимает худенькими плечиками и задумывается.

– Что ж я, святая что ли? Или уже на небеса вознеслась? Есть и у меня, грешной...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.